

СОДЕРЖАНИЕ

Будем помнить вместе

Дмитрий Окрест, Евгений Бузев — о том, кто эти «они»
и почему «они отвалились» 9

Зеркала Восточной Европы

Профессор Георгий Дерлугьян — о том, почему именно
русским следует изучать Восточную Европу 14

#USSRCHA0555_SILOVIKI

Как организовать люстрацию

FAQ от чешской правозащитницы Петрушки
Шустровой 20

Румынский побег

Почему сбежал главный чекист страны 28

«Русские опять придут!»

Использование образа внешнего врага в Румынии
для укрепления личной власти 46

Не только Швейк

Министр обороны Чехии и помощник Вацлава Гавела —
о том, как готовились к НАТО, а мир обещал быть 61

#USSRCHAOS555_ECONOMICS

Лихие польские

Криминальный репортер — о теневой экономике
Польши 80

Как законсервировать «гуляшный коммунизм»

Опыт члена соцпартии Венгрии Магды Кошане
Ковач 88

Бабушка солидарности

Диссидентка Людвика Вуец — о том, почему
победители коммунизма проиграли и Польша
закрывается 94

Как довести до ума пивной путч

Журналист Одржей Соукуп — о взаимосвязях пива
и революции 105

#USSRCHAOS555_SOCIETY

Дунайские джанки

Нарколог Шандор Байзат рассказывает,
от чего кайфовали в Восточном блоке 126

«Мы здесь таких не любим»

Ксенофобия в ГДР и объединенной Германии 135

Электоральные игры

История выборной системы Венгрии от Ласло Хубай .. 159

Как коммунизм разочаровал даже преданных сторонников

Историк Янош Кенде рефлексировал на примере
собственной жизни 164

#USSRCHAOS555_POLITICS

Правила жизни Леха Валенсы

Пан президент — о том, как поднять холодный занавес,
когда все застоялось 186

Начальник Гданьска

Павел Адамович — о польской околоперестройке 194

Словакия: путь от «нормализации» к независимости

Краткая история страны, которую часто путают
со Словенией 203

#USSRCHAOS555_CULTURE

Архитектура седьмого дня

Урбанист Куба Снопек — о том, как социалистическая
Польша строила костелы 246

Заглянуть за стену

Телевидение ГДР как феномен 251

Доллары, почтовые марки и медведи

Как выглядел креатив «Солидарности» 278

Саундтрек военного положения

Музыкант Константин Усенко — о музыке протеста
накануне конца истории 284

Пражская весна в одиночной кинокамере

Арсений Занин о независимом кино, предвосхитившем
Жан-Люка Годара 293

#USSRCHAOSSS_exUSSR

Невероятные приключения поляков в Чечне

Анархист Марек Кужынец — о постколониальной оптике
на чужой земле 321

Ушами КГБ

Историк Эдуард Андリュщенко — о том, как руководству
Советской Украины рапортовали о соседях 329

Вместо послесловия

Александр Стыкалин — о том, почему будущее мира пока
не обрело четких контуров 343

Об авторах 349

Благодарности 351

БУДЕМ ПОМНИТЬ ВМЕСТЕ

Дмитрий Окрест, Евгений Бузев

«Россия — это ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек», — сказал по легенде обер-прокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев. А Победоносцев знал толк в России. Примерно с таким же отношением в 2014 году мы начинали делать паблик¹ «Она развалилась», не вкладывая, впрочем, в это занятие глубокого смысла и не рассматривая его в сколько-нибудь долгосрочной перспективе.

Для нас ледяной пустыней с лихим человеком был новостной фон детства. Всюду стреляли: где-то из-за денег, где-то из-за непримиримых политических разногласий (то есть тоже из-за денег), а где-то просто так, потому что оружия много, а следить за ним перестали. Тогда это не пугало, а наоборот — новости внезапно стали интересными, хотя постоянный ужас, смерть, война и беженцы даже иногда приедались.

Много лет спустя мы попытались передать это ощущение из детства в виде паблика во «ВКонтакте». Сперва мы вели

¹ «Она развалилась» существует в виде группы связанных друг с другом сообществ в соцсетях. Основное содержание нашего исследовательского медиапроекта — это история. Мы не ограничиваем себя географическими и хронологическими рамками, но стержневая для нас и вызывающая самый большой интерес у аудитории тема — это новейшая история стран бывшего СССР и Варшавского пакта.

его для самих себя, так было удобно обмениваться контентом. А потом в сообщество потянулись люди. С тех пор прошло больше шести лет — срок, которого в свое время хватило, чтобы рухнул весь советский блок, а на его руинах принялись показывать диснеевские мультики, рекламу и те самые стреляющие новости. Мы за шесть лет издали книгу «Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 годах», приняли участие в куче всевозможных начинаний: от круглых столов до записи подкастов. Одним словом, как-то незаметно превратились в маленькое экспертное сообщество.

Издание книги опередило ностальгическую моду на девяностые годы, что стало реакцией на официальное позиционирование этого десятилетия как провала, на фоне которого крайне выгодно смотрится последующая эпоха. В тренде стали музыка в стиле «Дискотеки 90-х» и яркий стиль одежды, характерный для минувшей эпохи. Например, 30–40-летние россияне являются основными покупателями «товаров из 90-х» — жевательной резинки Love is..., часов Montana и игровых приставок Dendy.

Сегодня картину обо всем, что происходило во временном промежутке между Михаилом Горбачевым и Владимиром Путиным, во многом формируют буквально те же люди, которые десять — двадцать пять лет назад были важными действующими лицами общественно-политической жизни России. Множество нынешних лидеров общественного мнения и политических акторов получили от эпохи девяностых дивиденды, но ситуация изменилась, поэтому они заинтересованы в изменении образа прошлого.

Например, режиссер Никита Михалков требует закрыть «Ельцин-центр», в котором хранятся благодарности в его адрес за усиленную работу над кампанией президента Ельцина. Или Сергей Кириенко — тогда премьер-министр, которого за возраст обзывали киндер-сюрпризом, — сегодня

руководит администрацией президента и имеет славу технократа¹.

И вот теперь вы держите в руках вторую книгу, которая вышла под брендом «Она развалилась». Это второе большое дело, которое сделали люди, втянувшиеся в это увлекательное занятие — изучение и популяризацию недавнего прошлого уже не только нашей страны, но и тех стран, которые волей-неволей (чаще все-таки неволей) шли вместе с нами тернистой дорогой развитого социализма.

Что сегодняшний житель России 30–40 лет (а это ядро нашей аудитории) помнит о Восточном блоке? Металлические конструкторы из ГДР? Румынские кроссовки? Чехословацкий мультсериал о приключениях крота? Во всяком случае, у меня именно такой ассоциативный ряд. Но если приглядеться поближе, то в новейшей истории стран Центральной и Восточной Европы можно найти ряд прямых аналогий и ассоциаций с сегодняшним днем. Точно так же, как мы их находили в свое время в межэтнических столкновениях, локальных войнах и массовых беспорядках 90-х годов в странах бывшего СССР.

История стран социалистического блока вместила в себя огромное количество увлекательных сюжетов — противоречивых, сложных и интересных (пропаганда и люстрация, диссиденты и стукачи, Ванга и Валенса). Чтобы разобрать-

¹ Об этом мы пытались рассказать в книге «Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 годах» (вместо схем и таблиц — фотографии из личных архивов; вместо единой проблематики — калейдоскоп сюжетов и тем, волнующих героев книги — очевидцев стремительно уходящей в прошлое эпохи с середины 1980-х годов до начала XXI века) и документальном сериале «Околоперестройка» на телеканале «Дождь» (история 1990-х за девять интервью: августовский путч, реформы Гайдара, борьба президента с парламентом, Чечня, предвыборная пропаганда Ельцина, фильм «Брат», экономический кризис и транзит власти). Сериал доступен на <https://tvrain.ru/teleshov/okoloperestroika>.

ся в том, какими были эти страны и почему визионерский политический проект закончился так быстро, мы изучили каждую из них. Мы расскажем о том, как они жили, как они умерли (например, ГДР и Чехословакия) и почему сегодня повернулись к евроскептицизму.

«Она развалилась» — это своего рода фиксация мест памяти, о которой говорил французский историк Пьер Нора, но памяти постсоветской. В ней же остались Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия и Чехия, про которые соотечественникам нередко кажется, что эти страны отвалились от советской империи. Не зря роль СССР и России постоянно всплывает в воспоминаниях опрошенных очевидцев (иногда комичным образом), а также исследуемых архивах и телепередачах. Память не предполагает идеализации или осуждения. Память — это прежде всего уроки и выводы, которые, кстати, могут и меняться¹.

Сейчас, когда мы пишем это введение, в соседней Белоруссии² продолжаются протесты после президентских выборов, на предприятиях республики говорят о забастовках, а иногда и вправду бастуют. Сразу вспоминается опыт польской «Солидарности», да и в жестоком подавлении протестов и непреклонной позиции белорусского диктатора тоже

¹ Почему одних предателей казнят, а других милуют? Как мертвый Гендель написал ораторию про Адольфа Гитлера? Так что все-таки важнее: колбаса или свобода? В подкасте «Синий бархат» Егор Сеников рассказывает, почему мир гораздо сложнее, чем хотелось бы верить. Это подкаст о том, какие монстры, гниль и ужас прячутся за прилизанными историческими анекдотами.

² Или Беларусь, как ее называют граждане республики, которым привычное российской аудитории название кажется некорректным из-за отсылки к советскому прошлому. Белорусская Советская Социалистическая Республика информировала ООН об изменении ее названия на «Беларусь» 19 сентября 1991 года. Термин «Белоруссия» используется в русском языке со второй половины XVIII века — например, в «Новом и полном географическом словаре Российского государства» 1788 года.

можно найти немало общего с совсем недавним прошлым наших бывших коллег по социалистическому лагерю.

При упоминании Белоруссии (уж не знаем, чем там все закончится) на ум сразу приходят российские государственные СМИ, которые любят поговорить об угрозе НАТО у наших границ. Но как НАТО там оказалась? Почему? Когда? Какие обстоятельства этому способствовали? Расширение североатлантического альянса — это ведь тоже новейшая история Восточной Европы.

На самом деле в этот исторический пинг-понг, «актуальная политика — историческая аналогия — исторический бэкграунд» можно играть бесконечно долго. Пусть это не несет большой исторической ценности, зато интересно. Мы же начинали с развлечения — а история тоже может быть развлечением, — и надеемся, вы купили эту книгу как минимум для того, чтобы вам было не скучно. Мы начинали с социальной сети и тех норм, которые соцсеть предусматривает. В итоге такой формат нас устроил, эта книга тоже, по сути, писалась как паблик, отдельными блоками, из которых и складывается общее полотно. История повторяется трижды — как трагедия, как фарс и как пост в паблике.

Последнее повторение, возможно, и делает историю — историей. Значит, она стала частью исторического сознания, а не строками в учебнике (если те строки еще и попали в учебник — большей части этой книги в нем нет). Приятного чтения, продолжаем развлекаться, и даже лихой человек нам не страшен: у нас полкниги о таких людях, пусть и не в ледяной пустыне, а где-то в промежутке между Вислой и Одером.

Будем помнить вместе.

ЗЕРКАЛА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

**Георгий Дерлугьян, профессор
социологии Нью-Йоркского
университета Абу-Даби**

В Античности Европа понятно делилась на юг и север, на средиземноморский пояс греко-римской цивилизации и массив «варварских племен» кельтов, сарматов, германцев и едва различимых балтославян. Географические споры развернулись в XVI веке. Центр цивилизации Нового времени явно сместился на запад, к Атлантике с ее ранними капиталистическими рынками, мореходством и динамичными, насыщенными городскими сообществами. А вот где противоположная восточная оконечность, где заканчивается Запад? Ответ всегда был политическим.

Речь Посполитая, некогда крупнейшее территориальное образование Европы, к востоку от себя располагала «Тартарию». В начале XIX века австрийский канцлер Меттерних острил, что Азия начинается у восточных ворот Вены. Его наследники по управлению пестрой Австро-Венгрией считали свою зону ответственности если и не вполне Западом, то промежуточным пространством «Средней Европы».

Нечто подобное возникло в очередной раз в 1990-х годах в работах посткоммунистической либеральной «транзи-

тологии», из которых следует, что более успешные Венгрия, Чехия, Польша составляют континент Центральной Европы, едва не океанами отделенный от распадающихся Югославии и СССР. Впрочем, дальнейшее расширение Евросоюза вскоре раздвинуло рамки на восток. И это мы еще не задались вопросом о европейской принадлежности Грузии и (почему бы нет?) Турции¹. Политика географической и цивилизационной классификации насколько шумна, настолько же неплототворна и скучна в переборе одних и тех же приемов все в тех же целях символического самоотнесения к центру мира.

Если есть что-то общее и определяющее в Восточной Европе — это ее открытость степям Евразии, некогда непрерывной широкой полосой простиравшимся от Монголии до венгерской Пусты. Средние века, грубо говоря, были эпохой военного господства всадников. Почему воинство хана Батыя развернулось, доехав до Кракова и предместий Вены, остается предметом споров историков, особенно патриотических (настаивающих, что именно их народ лег костями во имя спасения Запада от азиатских орд), а теперь еще и исторических геймеров. Примем просто за факт, что Батый не дошел до Парижа и Лондона.

На крайней оконечности Евразии, куда даже монголы не доехали, поверх груды всякого полезного наследия давно рухнувшей Античности, Запад мог долго вызревать анархической «роскошью феодализма». Там так и не возникло единой империи, зато в ее отсутствие расплодились органы самоуправления: аббатства и университеты, вольные города и ремесленные гильдии, феодальные владения, чьим

¹ Турция — одна из основательниц Совета Европы, является «ассоциированным членом» Евросоюза и его предшественников с 1964 года. Турция подала заявление на вступление в 1987 году, но статус кандидата получила только спустя 12 лет. В 2005 году начался процесс переговоров, но и к 2020 году страна не стала членом ЕС.

слишком многочисленным соперничающим королям приходилось править по писаному праву и контракту с подданными.

Робин Гуд со своим луком — это одновременно не до конца разоруженный крестьянин, способный постоять за свои права, и потенциально эффективный наемник в королевском войске, если смогут регулярно платить. Так на Западе парадоксальным образом сочеталось перекрестное обеспечение прав с профессиональной воинственностью и усиленно рациональным изъятием налогов. Все уже в принципе подготовлено для возникновения Модерна. Оставался секрет пороха, завезенный наверняка из Китая по Шелковому пути, плюс перенаправить еще римскую технику литья статуй и колоколов на изготовление пушек, а водяных мельниц — на механическую ковку стали для доспехов и стволов.

Огнестрельное оружие разом решало две главные проблемы Средневековья: пушки крушили стены феодальных замков, а ружья в поле залпами косили кочевую конницу. Да, и еще одно чисто западное средневековое изобретение — дубовая бочка для засолки рыбы, превосходившая античные амфоры не только по всем качествам (кроме разве эстетики), но главное, послужившая прототипом для сборки корпусов океанских парусников. Погрузив на парусники пушки, ружья и избыточную рабочую силу своих робингудов, Запад уже мог приплыть без спросу ко всему остальному миру. Вот простейшая формула модернизации — не набор ценностей, а геополитический императив: либо у вас будет сталелитейная и судостроительная индустрия с полагающимися им квалифицированными кадрами, либо к вам приплывут те, у кого это уже есть.

Восточная Европа из-за опустошений средневековых кочевников в «роскоши феодализма» участвовала лишь эпизо-

дически и на удалении. Это скорее периферия, куда с Запада ближе всего плыть за сырьем через Балтику или Черное море и Дунай посредине. Но все-таки это Европа, где оружейные новинки, через вездесущих немцев и итальянцев, появляются рано и используются почти так же эффективно. В результате именно на заре Модерна и на землях, отвоеванных в основном у кочевников, возникло четыре крупных аграрных государства: Речь Посполитая, владения австрийских Габсбургов, Московское царство и Османская империя. Все они превращаются для Запада в типично периферийных поставщиков дешевого продовольствия и сырья, но не сразу и по-разному.

Хотя политически и культурно Польша и Турция едва не антиподы, удивительно похожи их нисходящие траектории от пика величия в XVI веке до падения в XIX и трудного и кровавого национального возрождения в XX веке. Именно из-за близости к морям и османские, и польско-литовские магнаты рано обнаружили выгоду в товарном вывозе урожаев из своих владений в ближайшие порты. Такое выгодно лишь при массовом использовании элементарного крепостничества (как и плантационного рабства в обеих Америках).

Западным купцам принадлежали портовые склады, судовой фрахт, кредит, рыночная информация и доступ к пунктам сбыта по ту сторону морей, в центре мировой экономики. Следовательно, они же могли назначать закупочные цены магнатам или их приказчикам (обычно из зависимых евреев или, в османских владениях, христиан). В основе «отсталости» — именно этот механизм обмена центра и периферии, где с одной стороны — олигархии феодального типа и зависимое бедное крестьянство, а с другой стороны — зажиточные независимые горожане с широким набором современных навыков. Это неравенство структурное,

т. е. объективно данное, склонное воспроизводиться поколение за поколением.

О России поговорим в другой раз. Здесь упомяну лишь очевидное: вначале до нее было не доплыть, а потом уже вовремя случился Петр I, чья военно-налоговая модернизация не только прорубила окно в Европу, но и выставила в том же окне заслон на уровне своего времени. Австрийская империя (чья история XVIII—XIX веков местами удивительно напоминает российскую) отчасти избежала периферийной участи в силу династийного «западно-восточного» дуализма монархии Габсбургов. Это обеспечило более глубокую бюрократию (и Кафку) плюс сильную армию — конечно, с бравым солдатом Швейком. Но в макроистории все познается именно в сравнении.

Давние границы между владениями Габсбургов, Османов и Романовых поразительным образом проявляются по сей день, равно как и неординарное наследие польской шляхты.

Почему в посткоммунистической Польше фиксируются самые высокие уровни религиозности не только в Европе, но и в мире — в то время как в соседней славянской Чехии они одни из самых низких? Почему в Румынии коммунистический диктатор Николае Чаушеску выстроил себе дворцы и культ по образцам Северной Кореи, а в Венгрии после смерти Яноша Кадара на государственной распродаже инвентаря из его резиденции самым дорогим предметом оказалась картина за 700 евро? Почему Западная Украина такая восточноевропейская, а Восточная и Южная Украина вообще не Европа, а скорее Америка, поселенческое индустриально-аграрное сообщество типа Пенсильвании?

Восточная Европа поразительно разнообразна вплоть до закономерного, хотя и довольно бесполезного вопро-